

Печальная муза Сергея Есенина

В НАШЕЙ стране хорошо известно имя Айседоры Дункан — замечательной танцовщицы, так хотевшей приблизить искусство к народу, прожившей такую яркую и драматичную жизнь и так трагически погибшей. Но прежде всего ее образ связан для нас с личностью другого самобытного таланта, русского поэта Сергея Есенина. В эти дни Россия отмечает 100-летие со дня его рождения.

Айседора вихрем ворвалась в жизнь Есенина и оставила в ней яркий след. Об их непростых отношениях написано много, в частности в газете «За рубежом» № 6 за 1992 год, где публиковался отрывок из книги подруги Айседоры Мэри Дести. Сегодня «За рубежом» вновь знакомит читателей с не издававшимися до сих пор мемуарами, написанными (от третьего лица) приемной дочерью Айседоры Ирмой Дункан в соавторстве с Алланом Россом Макдугаллом.

«Судьба, — писала о своей приемной матери Ирме, — создавала ткань жизни Айседоры из двух станков: с одного сходило полотно ее жизни в искусстве — многоцветное, сотканное с благородством и последовательностью, с божественной простотой и красотой рисунка; на другом станке ткалась ее личная жизнь — столь же красочная, что и жизнь в искусстве, но с узелками, спутанными нитями и узором, который редко бывал симметричным или завершенным; точнее, это была серия рисунков, удивительных и оригинальных, но с виду подпорченных рукой капризного мастера». Безусловно, это не могло не сказаться на взаимоотношениях с таким же сложным и противоречивым по характеру Есениным.

...Весна 1922 года. Московская школа танца им. А. Дункан, открытая в 1921 году, испытывает недостаток средств. Дункан решает оставить ее на попечение Ирмы и отправиться в турне по западным странам Европы и США, чтобы показать мир «златоглавому» Сереженьке, с которым они только что поженились.

Год странствий по враждебным Европе и США оказался тяжелым испытанием для впечатлительной, легкоранимой пары. К лету 1923 года А. Дункан и С. Есенин возвратились в Советский Союз с подорванным здоровьем, с проявлением кризиса семейных отношений и практически без средств к существованию.

Заметим, уже во время турне по Франции Айседора с грустью пришла к выводу, что у нее нет больше ничего об-

щего с Сергеем. Есенин не мог жить вне России. К тому же он не знал иностранных языков и среди знакомых Айседоры, говоривших по-английски или по-французски, чувствовал себя неловко. Но главное, о чем поведал сам Есенин берлинской прессе, это то, что он почувствовал угрозу своей личности, своей свободе: «Я имею такой же талант, как и Айседора. Но она никогда не желала считаться со мной как личностью, всегда хотела властвовать надо мной...». Собственно, и Айседора не была создана для семейной жизни: «Я вышла замуж за Есенина только затем, чтобы дать ему возможность получить паспорт в Америку. Он гений, и брак между артистами невозможен».

Айседора и Есенин решают, что им нужно подлечиться, отдохнуть и заработать денег на концертах. Для этой цели был избран юг страны.

В конце августа 1923 года Айседора Дункан выехала в Кисловодск, затем к ней присоединились Ирма и Илья Ильич Шнейдер, секретарь Школы танца. Сергей Есенин обещал Айседоре не задерживаться в Москве слишком долго и приехать в Кисловодск. Но своего слова он не сдержал. Об этом периоде накануне окончательного разрыва отношений и повествует публикуемый отрывок. Во многом наивный, он тем не менее воспроизводит неповторимую атмосферу 20-х годов в нашей стране, что и придает ему ценность документа времени.

Кандидат исторических наук
И. М. КРАСНОВ.

ним возник сотрудник ЧК с гневным вопросом — что значит столь наглое и неоднократное исполнение царского гимна? Бедный дирижер с дрожью в голосе объявил грозному стражу, что у него не было никаких контрреволюционных намерений, просто известная танцовщица мадам Айседора Дункан попросила отрепетировать произведение великого русского композитора, под эту музыку она должна вечером танцевать. Чекисту предъявили программу выступления и ноты, но он запретил дирижеру играть крамольные мелодии перед собравшейся толпой и удалился с сознанием исполненного долга. Вне всякого сомнения, в курзале было немало тех, кто испытывал волнение, слушая царский гимн, ведь и во время и после революции в Кисловодске кипели политические страсти и контрреволюционных «элементов» здесь насчитывалось предостаточно.

В тот вечер в театре, естественно, яблоку негде было упасть, включая и галерку. Наэлектризованность атмосферы давала о себе знать, ибо прошел слух, что Дункан будет танцевать под такую музыку! Но когда Айседора вышла на сцену, там ее уже поджидали двое чекистов с оружием в руках. Они заявили, что не допустят выступления, если из программы не изымут «Славянский марш». Айседора попыталась объяснить на ломаном русском, что танец этот она исполняла перед всеми коммунистическими вождями в день 4-й годовщины революции, что сам товарищ Луначарский весьма восторженно писал об этом, что в таком исполнении этот танец видели во всем мире, и потому она не собирается менять программу в неболь-

ЧК, однако, в восторге не была. И когда вечером следующего дня Айседора и Ирма обедали в курзале, прибежавший посылный с выражением страха на лице сообщил, что в номер к секретарю пришли чекисты. Дункан и Ирма поспешили наверх и увидели двух знакомых по предыдущему вечеру чекистов, с ними был некто чином повыше. Все — в форме, все вооружены, выходы и входы охраняли тоже вооруженные солдаты. Секретарь, бледный и дрожащий, лежал в постели. Он предполагал, и не без оснований, что если покинет номер, то, не исключено, сюда уже не вернется, а попадет в какое-либо иное «помещение».

Услышав, что пришли за безобидным секретарем, не тронув ее самое и Ирму, по-настоящему оскорбивших чекистов, Айседора набросилась на главного. И, будучи вне себя, выхватила из памяти самое низкое русское слово, которое знала, яростно бросив ему в лицо: «Сволочь!»

Рука чекиста инстинктивно потянулась к кобуре.

— Да, сволочь! Сволочь! — кричала Айседора, выплеснув затем на его бритую, похожую на пулю, голову поток гневных, обжигающих слов.

Лежавший в постели бедняга секретарь попытался разрядить ситуацию, успокоить возмущенного сотрудника ЧК, сказав, что «сволочь» в английском языке по своему смыслу отличается от русского аналога.

ПРОЩАЛЬНОЕ ТУРНЕ

Айседора и Сергей.

Фото из книги Мэри Дести «Нерассказанная история».

она решила заняться делом — совершить концертную поездку по Кавказу, начиная с Кисловодска. Айседора послала в Москву телеграмму своему секретарю, прося его приехать с кем-то, кто мог бы устроить поездку.

Когда прибыли секретарь и менеджер, она составила план гастролей. Первое выступление — на музыку из произведений Чайковского, с оркестром. Музыканты, в основном мужской состав из Петроградской филармонии, знали «Патетическую симфонию» наизусть. Но «Славянский марш» не исполняли уже много лет, и его придется отработать, предупредили они Айседору.

Утро в день выступления застало оркестр играющим «Славянский марш» на полукруглой эстраде в курзале за опущенным занавесом. Немногочисленные оказавшиеся здесь отдыхающие (из тех, конечно, кто знал, какого рода эта музыка) не могли поверить своим ушам — утреннюю тишину пронзали трубные звуки царского гимна «Боже, царя храни», музыкальная врезка из которого звучит в «Славянском марше». Изумленно переглядываясь, люди стали собираться кучками по двое перед скрывающимся оркестром занавесом. Но не успел дирижер закончить третью репетицию марша, как перед

шом городе России. Равнодушно выслушав и ничего не поняв, чекисты лишь сказали, что с места не двинутся, пока Айседора не даст обещания не танцевать под такую музыку.

Тогда Айседора вышла к терпящим терпение зрителям. Когда стихи аплодисменты, она спросила, не сможет ли кто-либо в зале перевести с немецкого на русский. Один из зрителей в первом ряду предложил свои услуги, в чем, впрочем, не было необходимости, поскольку присутствовавшие по большей части принадлежали к состоятельной буржуазной прослойке города, в сущности, только они и могли платить высокие цены, указанные в афишах.

Свою речь Айседора начала так: «За кулисами — полицейские. — Публика беспокойно зашевелилась. — Они хотят арестовать меня, если я попытаюсь танцевать для вас под «Славянский марш» Чайковского. Но я буду танцевать, даже если меня арестуют. В конце концов тюрьма ненамного хуже моего номера в «Гранде». При этих словах зал громко захохотал. Многие в зале тоже обрелись в этом «караван-сарая», страдая от бесчисленных насекомых».

Но тут добровольный переводчик, до сих пор молчавший, громко провозгласил: «Вам не следует беспокоиться, товарищ Дункан. Начинайте выступление. Я, председатель исполкома совета, даю вам разрешение танцевать марш Чайковского».

Уже возбужденная публика бешено зааплодировала, а Айседора, с улыбкой поблагодарив председателя, скрылась за кулисами.

Тем временем Ирме удалось столкнуться с обоими чекистами со священного сине-зеленого ковра Айседоры. Секретарь, который тоже мог бы поспособствовать, сидел в каталке с перевязанной ногой, он сильно растянул ее, упав с лошади днем раньше. Так или иначе, блюстители порядка покинули сцену, и концерт продолжался под нарастающие одобрительные возгласы зрителей, взволнованных великолепным исполнением Чайковского и «Интернационала».

Как бы то ни было, два охранника остались сторожить больного секретаря. И тут Айседора вспомнила — ведь все-таки еще Троцкий по-прежнему в Кисловодске. Она выбежала из номера, крикнув Ирме, что хочет разыскать вожда, затем спустилась вниз к портю и кое-как объяснила, что хочет тотчас же отправиться на виллу, где остановился Троцкий.

Айседора отправилась на поиски виллы военного министра в сопровождении одного из служителей гостиницы. Медленно пробирались они по темной, извилистой, идущей вверх дороге с кое-где мерцающим светом фонарей. Приблизительно через четверть часа в сумраке перед ними возник огромный особняк, вход охраняли два сотрудника ЧК. Они отказались пропустить странную возбужденную даму и вызвали начальника караула. Спросив, в чем дело, и выслушав ответ, начальник сказал, что входить к товарищу Троцкому никому не положено. В конце концов Айседора передала ему записку с просьбой отнести ее товарищу Троцкому. Через некоторое время посланец вернулся, сообщив Айседоре, что она может идти к себе в отель, все будет в порядке.

Вернувшись в «Гранд», Дункан нашла номер секретаря в полнейшем беспорядке — обыскали и перерыли все ящики, чемоданы, сумки. Охрана ушла в соответствии с приказом, отданным высоким начальством из ЧК, возглавлявшим телохранителей Троцкого. За ними последовали и знакомые уже чекисты, заявив Айседоре напоследок, — прямо-таки на манер опасных злодеев из мелодрам, — что они еще отомстят ей за все оскорбления памятного вечера. В ответ оскорбительница с еще большей энергией, выразительностью и презрением повторяла единственное слово: «Сволочь!»

Баку

ПОСЛЕ эпизода с ЧК в Кисловодске Айседора почувствовала, что она и ее друзья, возможно, будут в большей безопасности, если уедут подальше. Айседора решила взять курс на Баку, знаменитый город нефти на берегу Каспийского моря. Поезд из Кисловодска шел туда два дня и одну ночь.

Прибыв в Баку, они направились в отель «Европа». И как только вошли в холл, услышали приветствия по-немецки — их встретили владетель отеля и его жена. По словам супругов, много лет назад они видели Дункан в Германии, и танец красавицы американки навсегда остался в их памяти. Хозяева сделали максимум возможного, чтобы угодить почетной гостье, и тысячи маленьких приятных любезностей превратили ее отъезд в истинное удовольствие.

Ирма ДУНКАН,
Аллан Росс МАКДУГАЛЛ

ГОРОД на Кавказе, куда направилась Айседора, был Кисловодск. Это курорт, он так же широко известен в России, как Виши во Франции. Именно там бьют прославленные нарзановые источники, откуда знаменитый «Нарзан», соперник «Боржом», расходится по всем советским республикам.

В августе после не слишком комфортного путешествия, а оно затянулось на двое с половиной суток, Айседора и Ирма прибыли в этот небольшой город. Было шесть утра. И когда среди вокзальной суеты они сошли на перрон, первым, кого с удивлением увидели, оказался старый знакомый Айседоры по Нью-Йорку, поэт и писатель Макс Истмэн. В ответ на вопрос, почему он здесь, Макс сказал, что пришел на вокзал, чтобы купить молока, и в ходе разговора заметил — он гость Льва Троцкого и работает над биографией этого видного политического деятеля.

Истмэн провел приехавших по городу, помог найти номера в гостинице и развлекал за ланчем. Потом распрощался, и больше они его в Кисловодске не видели.

Кисловодск

АЙСЕДОРА быстро вошла в ритм курортной жизни. Каждое утро принимала ванны с минеральной водой, затем ланч в курзале и неспешная прогулка по чудесным окрестностям. Вечером — обед, опять в курзале, затем театр или концерт симфонического оркестра. Так продолжалось около недели, пока ей это не наскучило, и

ИРМА ДУНКАН И АЛЛАН РОСС МАКДУГАЛЛ. «Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции», Нью-Йорк, издательство «Ковиси — Фриде».

IRMA DUNCAN AND ALLAN ROSS MACDOUGALL. *Isadora Duncan's Russian Days & Her Last Years in France*, New York, Covici — Friede publishers.

Публикация И. М. Краснова.

951
Duncan
Aisodora

10.95